

Н. Г. Юзефович, И. А. Полякова
Хабаровск, Россия

ТЕОРИЯ ПРОКСИМИЗАЦИИ П. ЦАПА КАК МЕТОД АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. Интеграция прагматики, когнитивной лингвистики и критического дискурс-анализа, а также концепции П. Чилтона является основой теории проксимизации польского ученого П. Цапа. Данная модель анализа была сформирована первоначально для анализа интервенционистского дискурса, при этом она успешно экстраполируется на другие дискурсивные практики, что представляет интерес для исследователей разных направлений. Несомненным достоинством теории проксимизации П. Цапа является ее валидность: база данных включает эмпирический материал, охватывающий политический дискурс 2001—2010 гг., анализ которого отражен в публикациях разных периодов. В полной мере теория проксимизации получила отражение в монографии «Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing», изданной в 2013 г., при этом ученый продолжает развитие данной теории, привлекая эмпирический материал других дискурсов, в частности медицинского, экологического, виртуального и пр. В статье раскрывается концептуальная и эмпирическая основа данной модели, обоснована ее продуктивность для моделирования метафоры: сущность теории проксимизации состоит в моделировании конструкторов пространства, времени и аксиологических характеристик предполагаемых милитаристских действий. При успешном моделировании события, относящиеся к другой территории, другому времени, представляются как события настоящего, причем такие события, которые угрожают обществу. В данном случае создается также эффект соответствующей оценочности (эффект угрозы), что требует незамедлительных действий. Если были использованы эффективные риторические приемы, выбраны соответствующие лингвистические средства, то достигается легитимизация действий политика (придание им законности); именно легитимизация является показателем реализации проксимизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: проксимизация; легитимизация; политический дискурс; дискурсивные стратегии; межкультурный аспект.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, факультет филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; 680035, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; e-mail: iuzefovichnata@gmail.com.

Полякова Ирина Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, факультет филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; 680035, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; e-mail: iril221@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Положения концепции проксимизации, которую разработал профессор Петр Цап (Piotr Cap; при передаче на русский язык использовался метод практической транскрипции, позволяющий передать как звучание имени, так и написание [Гиляревский 2004; Ермолович 2009]), представляют интерес для многих отечественных ученых, исследующих различные аспекты политического дискурса, равно как и других дискурсивных практик. Важно отметить тот факт, что известность П. Цапа в научном мире несомненна: он возглавляет кафедру прагматики университета г. Лодзь (Польша), его труды по лингвистической прагматике, политической лингвистике, медийному дискурсу и бизнес-коммуникации публикуют известные в научном мире издательства: *Journal of Pragmatics*, *Cambridge Scholars Press*, *Peter Lang* (Frankfurt am Main), *John Benjamins* (Amsterdam) и др. Профессора приглашают для чтения лекций в университеты Европы и США.

Отдельные его статьи, а также аннотации публикаций на английском языке доступны в Интернете, однако русскоязычная аудитория практически не знакома с работами ученого, поскольку они написаны на английском или на польском языках. Публикации переводов на русский язык ограниче-

ны Законом об авторских правах (Copyright Law), что в определенной мере и побудило нас обратиться к теории П. Цапа.

Настоящая статья посвящена описанию основных положений теории проксимизации; они применимы как для изучения внутрикультурного дискурса (борьба с внутренней угрозой), так и в аспекте межкультурных глобальных контактов (борьба с внешней угрозой террористического акта, т. е. выход за свою территорию), а также для исследования других дискурсивных практик.

Теория ученого обобщает результаты многолетнего изучения политического дискурса США периода 2001—2010 гг., так называемого «интервенционистского» дискурса, или «дискурса войны с террором» (the War-on-Terror). Важно отметить, что ученый анализирует в рамках своей теории дискурс других сфер: экологический дискурс (environmental discourse), медицинский (health communication: *The Pragmatic Construal of Scientific Discourse: The Case of Medical Persuasion* [Cap 2004]), дискурс киберугроз (cyber-threat discourse) и пр. Исследование эмпирического материала разнообразных дискурсивных практик способствует валидности (достоверности) данной теории и позволяет сделать вывод о релевантности мо-

© Юзефович Н. Г., Полякова И. А., 2018

дели П. Цапа для метафорологии, когнитивно-прагматического анализа, прагматики и критического дискурс-анализа.

Принимая во внимание тот факт, что мы опираемся на англоязычные издания и терминологию, в данной статье отдельные термины представим на русском и на английском языке, что позволит читателю обратиться к первоисточникам. В отечественном научном дискурсе функционирует множество терминов, которые заимствованы из западного научного дискурса или были калькированы с него. При этом нередко наблюдается понятийная, концептуальная и аксиологическая вариативность; классическим примером является термин «концепт». Англоязычный термин «concept» означает «понятие» и не передает специфику отечественного термина, использующегося в рамках направления «когнитивная лингвистика».

Интересно отметить, что в англоязычном дискурсе эвфемизации ряда номинаций и терминов войны с террором способствует то, что совпадающие по форме лексические единицы (омонимы) или одна и та же номинация могут функционировать в разных контекстах. При этом эвфемистичность одного контекста влияет и на другой, что нередко теряется в переводе.

Так, лексическая единица *preventive* используется как в милитаристском дискурсе (*preventive attack*), так и в других, например: *preventive maintenance*, т. е. «профилактическое обслуживание» (оборудования), частотна она и в медицинском дискурсе (*preventive medicine*). Важно помнить, что в большинстве случаев *preventive* синонимична лексической единице *pre-emptive*. Естественно, что, например, в медицинском дискурсе позитивная аксиологическая характеристика слова *preventive* очевидна — ср.: *preventive medicine* и *профилактика*. В русскоязычном дискурсе используются номинации «профилактика, профилактическое обслуживание», не совпадающие по форме с терминологией милитаристского дискурса, что при анализе переводных текстов не является очевидным.

Научный подход к анализу публичного дискурса П. Цапа соответствует принципам социокогнитивной лингвистики: когнитивно-прагматический анализ сопровождается квантитативным (количественным) и квалификативным (качественным) анализом, проводится на значимой по объему эмпирической базе, при этом используются и социолингвистические методы [Юзефович 2017].

Обобщение результатов изучения американской политической риторики периода

2001—2010 гг. представлено в монографии *Proximity. The pragmatics of symbolic distance crossing* [Cap 2013] и также в разного рода статьях и коллективных монографиях, например: *Towards the Proximity Model of the Analysis of Legitimization in Political Discourse* [Cap 2008]; *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and Practice* [Cap 2010]. Ученый продолжает работать над дальнейшим развитием своей теории: *Applying cognitive pragmatics to Critical Discourse Studies: A proximity analysis of three public space discourses* [Cap 2014]. Значительный интерес представляет недавно опубликованное монографическое исследование *The Language of Fear: Communicating Threat Threat in Public Discourse* [Cap 2016].

Термин «проксимизация» является относительно новым в политической лингвистике; он основан на английских номинациях *proximity* (буквально «близость», «приближенность»), *proximize* и *proximizing* (буквально «приближать концептуально»). Глагольные формы *proximize*, *proximizing* впервые встречаются в работах британского лингвиста П. Чилтона [Chilton 2004], на концепции которого во многом опирается П. Цап.

Номинативная форма *proximization* (в концепции П. Цапа соответствует значению «концептуальное приближение») была введена П. Цапом для обозначения когнитивно-прагматических конструкторов, используемых в дискурсе и способствующих реализации необходимых дискурсивных стратегий. Модель проксимизации позволяет выявить отношения между субъектами внутри дискурсивного пространства, что релевантно для исследования как в контексте когнитивной прагматики, так и критического дискурс-анализа. Проксимизация (всех уровней) является результатом дискурсивного события, например, выступления политика, задача которого — достичь реализации своей цели, в частности легитимизации интервенционистских кампаний [Cap 2013: 26].

Модель анализа политического дискурса П. Цапа основана на двух парадигмах: когнитивно-прагматической и когнитивно-лингвистической, соответственно выделяются когнитивно-прагматический и когнитивно-лингвистический уровни исследования.

На первом этапе в рамках когнитивно-прагматической парадигмы осмысливается цель коммуникативного акта в данном геополитическом контексте: конечным результатом должна стать реализация всех уровней проксимизации (пространственной, темпоральной и аксиологической) и, соответственно, легитимизация планируемых военных действий. При этом выделяются,

осмысливаются те конструкты, которые будут способствовать реализации данной цели: такие конструкты должны приблизить какие-либо давние, но экстремально значимые события к текущему моменту. Данные конструкты моделируются по трем направлениям (осям): пространственному (*spatial*), временному (*temporal*) и аксиологическому (*axiological*), что позволяет создать эффект угрозы и добиться легитимизации военных действий.

Модель проксимизации в английском языке обозначается инициальным сокращением *STA model: Satial Temporal Axiological*, что в русском языке соответствует сокращению «ПВА», которое расшифровывается следующим образом: п(ространственная) в(ременная) а(ксиологическая) модель проксимизации. Данное обозначение выделяет этапы проксимизации, при этом ведущей является именно пространственная.

Особое место в теории проксимизации отведено исследованию функционирования вербальных средств, в частности дейктическим элементам. Выделяют личный дейкисис, который указывает на нахождение говорящего/собеседника в пространстве, пространственный и временной, которые выражаются местоимениями (указательными и личными), наречиями, сочетаниями типа «в этой стране» и пр. Как правило, дейктический центр включает элементы, непосредственно связанные с говорящим («свой»), а на периферии располагаются элементы «чужого» (пространства, времени, личности). Перемещение дейктической периферии в центр («чужой» (потенциальный источник угрозы) приближается к «нашей территории») способствует созданию страха и реализации милитаристских целей политика.

На пространственной оси (измерении) выделяются центр и периферия. Дейктический центр маркирован как *здесь, в нашей стране* — «наши», а дейктическая периферия включает другие страны, отдаленные (враждебные) территории — «чужие». Конструирование пространственной проксимизации позволяет «приблизить» удаленные от центра, чужие территории, которые потенциально несут угрозу, к центру, к своей стране. Такой конструкт создает эффект опасности для людей, которые понимают близость опасности и необходимость защищаться, что, как предполагается, будет способствовать реализации политической цели политика: интервенционистские цели будут легитимизированы.

Временная, или темпоральная проксимизация требует создания такого конструкта, который позволит приблизить опасное собы-

тие в прошлом к текущему моменту: «вчерашняя угроза» становится реальностью сегодня. Соответственно темпоральный конструкт «проектирует» аналогичное по опасности событие в контексте настоящего времени, реальности. Так, фраза «17-й год» (о событиях 1917 г., о революции) может быть соотнесена с протестными акциями в России в 17-м году сегодня, т. е. в 2017 г. Проксимизация в данном случае создает конструкт концептуально связанных событий и соответствующих последствий, что может потребовать незамедлительных превентивных действий.

Аксиологическая проксимизация позволяет создать необходимую оценочность интерпретируемого события, соответствующую моральным ценностям данного общества, что, в конечном счете, будет способствовать достижению легитимизации превентивных, т. е. военных действий на чужой территории. Например, репрезентация идеологического «сближения» национальных (разделяемых обществом) ценностей основных субъектов дискурсивного пространства с чуждыми и антагонистическими ценностями.

Как отмечалось выше, модель проксимизации разработана на основе интервенционистского дискурса (*interventionist discourse*), в частности, дискурса войны с террором в 2003 г. — в период смещения дейктического центра (угрозы). Если в первые два года после теракта, известного в англоязычном мире как 9/11 (в английском языке при написании даты цифрами на первое место ставится порядковый номер месяца, т. е. в англоязычном контексте «9/11» означает «11 сентября»), угроза толковалась как внутренняя: правительство США не смогло обеспечить безопасность своих граждан внутри страны, то в 2003 г. угрозу стали конструировать как внешнюю. Соответственно военные действия необходимо было проводить в другой стране, что не воспринималось одобрительно многими американцами. Следует отметить, что в этот период была открыта прямая телефонная линия, любой человек мог позвонить в Белый дом и высказать свою позицию относительно войны в Ираке. Многие студенты приняли активное участие в этом мероприятии, выражая свое неодобрение действиям правительства: звонили с требованием отказаться от «предваряющих интервенционистских кампаний» (*pre-emptive interventionist campaigns*), поскольку было понятно, что речь шла именно о милитаристских кампаниях, хотя значение «военные действия» и было завуалировано (из письма Кристин Ньют, студентки колледжа Льюис и Кларк (Портленд, США) — личная переписка студентки и Н. Г. Юзефович).

Теорию проксимизации П. Цап системно представляет на материале официального сайта Белого дома (проанализировано более 400 официальных докладов, комментариев и т. п.). Одним из наиболее ярких примеров проксимизации, как представляется, является «Обращение к нации» Дж. Буша, с которым он выступил 26 февраля 2003 г. Эта речь известна также как «манифест войны в Ираке». Войска США и коалиции вошли в Ирак 19 марта 2003 г.

П. Цап выделяет два уровня, на которых реализуется проксимизация: диахронический (события прошлого) и синхронический (релевантность прошлых событий в контексте реальности) [Сар 2014: 20].

На диахроническом уровне репрезентированы идеологические установки прошлого, которые соотносятся с настоящим, что подчеркивает преемственность поколений. Верность историческому наследию требует решительных действий сегодня: долг США, как и раньше, — освободить цивилизацию от внешнего врага: *The objectives (of liberation) have come before*. При этом реализуется главным образом темпоральная и аксиологическая проксимизация: разделяемые обществом в историческом прошлом ценности провозглашаются значимыми и сегодня, и эти ценности требуют защиты, а значит, и незамедлительных действий.

На синхроническом уровне в историческую ретроспективу вовлекается проксимизация исторического настоящего и основным, исходным условием легитимизации действий являются не обязательства идеологического характера, а прямая физическая угроза, нависшая над страной, которая превратилась в поле сражения (*our country is a battlefield*).

В контексте этой речи актуализировалась метафора, означающая «угрозу»: *On a September morning* (Сентябрьским утром...). Эта фраза выступает эпиграфом монографии П. Цапа о проксимизации, и к ней он не раз возвращается в ходе обоснования своей теории [Сар 2013]. Вне контекста событий 9/11 и/или «Обращения к нации» данная фраза не несет никакой политической нагрузки. Неопределенный артикль «а» в английском языке означает «один из многих, любой, некий», т. е. нет привязки ни к определенной территории, ни к временному периоду. В 2003 г. в памяти еще свежи события 9/11, поэтому для многих, особенно американцев, фраза звучит довольно зловеще и возвращает их в тот трагический день. Фраза приобретает политический смысл «день, когда был совершен жесточайший теракт», что позволяет гово-

рить о ее метафоричности. Функционируя как метафора, фраза приобретает особую аксиологичность, создавая проксимизацию и способствуя легитимизации интервенционистских действий.

В целях проксимизации Дж. Буш выделяет Ирак как страну потенциальной угрозы, страну, которая обладает оружием массового поражения: *Saddam Hussein and his weapons of mass destructions are a direct threat to our people and to all free people*. Эта страна (чужая территория) угрожает США (нам, нашей нации: *our nation*) и «всему цивилизованному миру» — *the civilized world*.

Реальность угрозы подчеркивается историческим фактом, ссылкой на прошлое (*flashback*), при этом Дж. Буш выдвигает на первый план и то, что 9/11 словно аккумулирует все угрозы, которые на протяжении многих лет секретно готовились и в результате привели к убийству множества людей: *On a September morning, threats that had gathered for years, in secret and far away, led to murder in our country on a massive scale*. Таким образом, создается и временная проксимизация.

Конструкт проксимизации аксиологического уровня формируется выделением ценностей американского общества: «Мы не позволим разгореться пламени ненависти и жестокости» — *And we will not to allow the flames of hatred and violence in the affairs of men*.

Дж. Буш связывает ценности прошлого и настоящего в единое целое, проецируя их в будущее, выделяя роль США как освободителя мира от режима Ирака и оружия массового поражения, угрожающего всему миру: *Today the goal is to remove the Iraq regime and to rid Iraq of weapons of mass destruction*.

При этом он апеллирует и к более давнему прошлому, к заветам отцов-основателей: *founding promise* (Ср.: *founding fathers*), к созданию США, государства, которое формировалось как общество равных возможностей: *The liberation of millions of America's founding promise*.

Выделяется апелляция и к патриотизму, одной из главнейших ценностей американского общества, и к роли страны на мировой арене, что может потребовать и «актов героизма» (т. е. жертв американцев): *The objectives we've set in this war are worthy of all the acts of heroism and generosity that have come before*.

Характеризуя «условного противника» как враждебного ценностям и национальному наследию американского народа, сохранение которых является прямой обязанностью Дж. Буша на посту президента Соединенных Штатов, президент усиливает стра-

тегии проксимизации.

Дейктические элементы центра включают номинации *American people, all free people, the world*, иначе говоря, «свои», которые противопоставлены чужой территории и враждебной идеологии: *Saddam Hussein, the Iraq regime, the ideologies of murder*. При этом геополитическое расстояние конструируется как «сужающееся».

Следует подчеркнуть, что риторика Дж. Буша соотносима с политическим дискурсом других политиков. Аналогичные стратегии используются практически всеми политиками, если им необходимо легитимизировать военные действия на территории иностранного государства. Такие кампании рассматриваются как необходимые для борьбы с глобальным терроризмом, что предопределено событиями 11 сентября 2001 г. Описание угрозы, которая появилась в какой-либо период в прошлом, используется политиком как проекция текущей или будущей ситуации, за счет чего создается чувство опасности и выдвигается требование легитимизации незамедлительных военных действий. Или, напротив, сопоставление текущей ситуации с прошлой может создать чувство безопасности благодаря правомочным действиям правительства.

Таким образом, проксимизация является особой дискурсивной стратегией, которая репрезентирует уже случившиеся события и ситуации (включая «дистантивные», враждебные идеологии) как представляющие чрезвычайные, негативные последствия для политика и его аудитории в настоящий момент.

Представляя «удаленных» субъектов реальности как таких, которые исподволь и постепенно посягают на территорию говорящего и его адресата (причем как физически, так и идеологически), говорящий может достигать различных целей. Основной, преобладающей целью, как правило, является именно легитимизация милитаристских действий и политических решений, с помощью которых политик предлагает нейтрализовать возрастающее негативное воздействие «иностраных», «чуждых», «антагонистиче-

ских» субъектов.

Теория проксимизации позволяет раскрыть символические сдвиги (смещения в пространстве и времени), посредством которых элементы периферии дискурсивного пространства интерпретируются как его центральные элементы, дейктический центр, т. е. территория речевого акта (*here and now*) или дискурсивного пространства.

Теория проксимизации и ее пространственно-темпорально-аксиологическая модель анализа политического дискурса предполагает, что все три аспекта, или стратегии, проксимизации способствуют непрерывному сужению символического пространства между субъектами/ценностями и их негативному воздействию на говорящего и его адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиляревский Р. С. Практическая транскрипция фамильно-именных групп. — М. : Физматлит, 2004.
2. Ермолович Д. И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. — М. : ВЦП, 2009.
3. Boykoff M. The cultural politics of climate change discourse in UK tabloids // *Political Geography*. 2008. № 27. P. 549—569.
4. Cap P. The Pragmatic Construal of Scientific Discourse: The Case of Medical Persuasion // *Developments in Pragmatics: Special Issue of Research in Language*. — Łódź : Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 2004. P. 65—80.
5. Cap P. Towards the Proximization Model of the Analysis of Legitimization in Political Discourse // *Journal of Pragmatics*. 2008. No 40. P. 17—41.
6. Cap P. et al. Analyzing Genres in Political Communication: Theory and Practice. — JBP, 2010.
7. Cap P. Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing. — Amsterdam : JBP, 2013.
8. Cap P. Applying cognitive pragmatics to Critical Discourse Studies: A proximization analysis of three public space discourses // *Journ. of Pragmatics*. 2014. No 70. P. 16—30.
9. Cap P. The Language of Fear: Communicating Threat in Public Discourse. — Basingstoke : Palgrave, 2016.
10. Chilton P. Analyzing Political Discourse. — Routledge, 2010.
11. Contemporary Critical Discourse Studies (Contemporary Studies in Linguistics) / ed. Ch. Hart, P. Cap. — Bloomsbury, 2017.
12. Dunmire P. Projecting the Future through Political Discourse: The Case of the Bush Doctrine. — Amsterdam : John Benjamins, 2011.
13. Gavins J. Text World Theory. An Introduction. — Edinburgh: Edinburgh Univ. Pr., 2007.
14. Levinson S.C. Pragmatics. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983.
15. Silberstein S. War of words. — London : Routledge, 2004.

N. G. Iuzefovich, I. A. Poliakov
Khabarovsk, Russia

PROXIMIZATION THEORY OF PIOTR CAP AS CROSS-CULTURAL POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS METHOD

ABSTRACT. A well-known Polish scientist Piotr Cap created his theory of proximization integrating the ideas of pragmatics, cognitive linguistics and critical discourse analysis; much is based on the conception of Paul Chilton. Piotr Cap developed his theory first as a model of political discourse analysis, namely interventionist discourse or discourse of war. He also analyzed other types of discursive act and found out that his analysis model is applicable to study different fields of discourse. Piotr Cap's theory is well grounded and valid as he analyzed official discourse of the White House (documents and speeches) covering the period of 2001 — 2010. The analysis of different texts is described in numerous publications. Thorough description of the theory is presented in the monograph "Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing" (published in 2013). Since then the scientist has been still developing his theory basing on the empirical sources of various discourses such as environmental, cyber-attack discourse, medical, etc. The paper dwells on the conceptual and empirical background of the proximization theory, stressing its advantages as a method of the metaphor production analysis. In short, the proximization theory is used as a means of creating models: the construction of space (spatial proximization), the construct of time (temporal proximization).

tion), the construction of axiological characteristics (axiological proximization) of a might-be (planned) interventionist campaigns. Proximization models represent the past events as if they were the events of today ("yesterday becomes "now") and what is most important is the fact that the events described can create a serious threat to the country and the people of the speaker (a politician). Thus, the created effect is the effect of fear because of the close threat. Obviously, negative axiological character of the war campaign is transformed into positive as the military action is viewed as a necessary means to save the country and her people. Thus, the military campaign is legitimized.

KEYWORDS: proximization; legitimization; political discourse; discursive strategies; intercultural aspect.

ABOUT THE AUTHORS: *Iuzefovich Natalia Grigoryevna, Doctor of Philology, Professor, English Philology and Cross-Cultural Communication Department; Philology, Translation and Cross-Cultural Communication Faculty, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.*

Poliakova Irina Alekseevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, English Linguistics and Cross-Cultural Communication Department; Philology, Translation and Cross-Cultural Communication Faculty, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

REFERENCES

1. Gilyarevskiy R. S. *Prakticheskaya transkriptsiya famil'no-imennykh grupp.* — M. : Fizmatlit, 2004.
2. Ermolovich D. I. *Metodika mezh"yazykovoy peredachi imen sobstvennykh.* — M. : VTsP, 2009.
3. Boykoff M. The cultural politics of climate change discourse in UK tabloids // *Political Geography*. 2008. № 27. P. 549—569.
4. Cap P. The Pragmatic Construal of Scientific Discourse: The Case of Medical Persuasion // *Developments in Pragmatics: Special Issue of Research in Language.* — Łódź : Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 2004. P. 65—80.
5. Cap P. Towards the Proximization Model of the Analysis of Legitimization in Political Disourse // *Journal of Pragmatics*. 2008. No 40. P. 17—41.
6. Cap P. et al. *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and Practice.* — JBP, 2010.
7. Cap P. *Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing.* — Amsterdam : JBP, 2013.
8. Cap P. Applying cognitive pragmatics to Critical Discourse Studies: A proximization analysis of three public space discourses // *Journ. of Pragmatics*. 2014. No 70. P. 16—30.
9. Cap P. *The Language of Fear: Communicating Threat in Public Discourse.* — Basingstoke : Palgrave, 2016.
10. Chilton P. *Analyzing Political Discourse.* — Routledge, 2010.
11. *Contemporary Critical Discourse Studies (Contemporary Studies in Linguistics)* / ed. Ch. Hart, P. Cap. — Bloomsbury, 2017.
12. Dunmire P. *Projecting the Future through Political Discourse: The Case of the Bush Doctrine.* — Amsterdam : John Benjamins, 2011.
13. Gavins J. *Text World Theory. An Introduction.* — Edinburgh: Edinburgh Univ. Pr., 2007.
14. Levinson S.C. *Pragmatics.* — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983.
15. Silberstein S. *War of words.* — London : Routledge, 2004.